

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ
СПБ., Литейный, 43.

Открыта ежедн. (кроме праздниковъ) отъ 10 до 4 час.

№ 2.
11-го ЮЛЯ 1893 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1/2 г. (Юль—Декабрь) 3 р., съ дост. и перес. 4 р.
Отдѣльные №№ по 15 коп.

Продолжается подписка на новое еженедѣльное иллюстрированное изданіе
„ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“
подъ редакціей Петра Вейнберга,
ПОСВЯЩЕННОЕ ТЕАТРУ, ИЗЯЩНЫМЪ ИСКУССТВАМЪ И ЛИТЕРАТУРѢ.

Цѣль изданія — служить интересамъ искусства въ самомъ серьезномъ его значеніи, стараясь о распространеніи въ публикѣ здравыхъ взглядовъ на все, входящее въ эту область, о недопущеніи на свои страницы того, что имѣетъ источникъ въ лично-пристрастномъ чувствѣ, въ узко-партийной одно-сторонности, — однимъ словомъ, о возвращеніи права гражданства тѣмъ неизбежнымъ эстетическимъ законамъ, существованіе которыхъ въ настоя-щее время усердно отвергается многими и безъ которыхъ однако немислимо благотворное дѣйствіе искусства въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Достигнуть своей цѣли редакція надѣется, благодаря своей широкой и разносторонней программѣ, и тѣмъ дѣятелямъ въ Россіи и Европѣ, ко-торые общаются намъ своею содѣйствіемъ.

Покамысль можемъ сказать, что во главѣ музыкальнаго отдѣла

ПРОГРАММА „Театральной Газеты“ слѣдующая: 1) Статьи по искусству вообще (т. е. по театру, музыкѣ, пластическимъ искусствамъ, поэзій), 2) Театральныя, музыкальныя, художественныя и литературныя новости, замѣтки и корреспонденціи. 3) Повѣсти, стихотворенія, сценки и т. п. 4) Драматическія произведенія (старого и текущаго репертуара). 5) Городская хроника.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ — С.-Петербургъ, Литейный, 43 (при типографіи А. Мучника), и въ музы-кальныхъ и книжныхъ магазинахъ.

„Театральной Газеты“ стоитъ Г. А. Ларошъ, имя котораго слишкомъ хо-рошо извѣстно, чтобы надо было прибавлять къ нему какую-нибудь реко-мендацію; около него сгруппируются молодыя силы, которыя будутъ выби-раться и привлекаться съ самою строгою осмотрительностью, — что

А. Г. Рубинштейнъ предоставилъ въ наше распоряженіе свою, нигдѣ еще не напечатанную, „Записку о частномъ оперномъ театрѣ“, — что

въ отдѣлѣ беллетристики и исторіи и теоріи театра, читатели будутъ встрѣчать произведенія Д. В. Аверкіева, С. А. Андреевскаго, П. Д. Бо-бoryкина, гр. А. А. Голенищева-Кутузова, Д. В. Григоровича, М. В. Крестовской, А. Н. Майкова, Д. С. Мережковскаго, Я. П. Полонскаго, А. А. Потѣхина, А. Н. Плещеева и др.

Сверхъ того, въ текстѣ газеты помѣщаются иллюстраціи — въ видѣ портретовъ, рисунковъ декорацій, костюмовъ и сценъ изъ драма-тическихъ и музыкальныхъ произведеній.

„Театральная Газета“ выходитъ еженедѣльно, по воскресень-ямъ. Подписная цѣна за полгода (до января 1894) 3 руб., съ дост. и перес. 4 руб.

СОДЕРЖАНІЕ:

Забутыя оперы. Лароша.
Театръ и жизнь (фельетонъ). Дилеттанта.
Донъ Хосе Зорилья. М. Ватсонъ.
„Лозингринъ“ на сценѣ французской оперы. — р—
Правила для актеровъ. В. Гёте.
Германъ Зудерманъ (въ портрету).
Павловскій вокзалъ. Г. В.
Загородные театры. Аль.
Какъ въ Америкѣ играютъ французскія трагедіи.
Изъ журналовъ.
Разныя извѣстія.
Портреты: Донъ Хосе Зорилья и Германа Зудермана.

ЗАБУТЫЯ ОПЕРЫ.

I.

„Геновефа“ Шумана.

(Окончаніе).

Безпристрастіе обязываетъ меня сказать, что и во второмъ дѣйствіи элементъ втораго Шуманов-скаго стиля представленъ въ значительной степени. Прежде чѣмъ выдѣлать тѣ части этого дѣйствія, которыя мнѣ нравятся, изъ остальныхъ, я скажу, что по драматическому движенію оно самое обиль-ное: оно заключаетъ въ себѣ неудачную попытку Голо обольстить Геновефу и затѣмъ интригу, съ помощью которой графиня становится жертвой кле-веты: подъ предлогомъ, не особенно правдоподобно выдуманномъ, Голо уговариваетъ вѣрнаго слугу графа, Драго, спрятаться въ спальнѣ Геновефы не-замѣтно для нея, и затѣмъ, когда она сама идетъ почивать, врывается къ ней съ Маргаритой и тол-пою челяди, уличаетъ ее въ мнимомъ прелюбодѣ-ніи и велитъ ее запереть въ „башню“. Эта грубая, оскорбительная и неправдоподобная сцена состав-ляетъ пятно драмы Геббеля; великая вина Шумана и его литературнаго сотрудника, Роберта Рейника *),

въ томъ, что они не уничтожили этого пятна и не придумали болѣе достойнаго и изящнаго способа завязать узелъ интриги. Къ сожалѣнію или къ счастью, вся некрасивая сторона втораго дѣйствія у музыканта вышла живѣе и интереснѣе нежели изображеніе самой Геновефы, непорочной страдали-цы, столь идеализованной Геббелемъ, но у Шума-на поющей нѣсколько второстепенныхъ Lieder ohne Worte. Кромѣ прелестной вступительной фразки (E-moll) въ которой она оплакиваетъ нѣжно-люби-мага супруга, ей еще дана въ этомъ дѣйствіи пар-тія въ дуэтъ съ Голо (его объясненіе въ любви) и „арія“, какъ называетъ композиторъ недлинную молитву въ тонѣ B-dur. Эта „арія“ вполне отно-сится къ тому, что я называлъ второю манерой Шу-мана; отраднo въ ней только то обстоятельство, что она въ тактѣ 3/4, тогда какъ во всей оперѣ вообще (также, впрочемъ, какъ и у Рихарда Вагнера) слишкомъ преобладаетъ тактъ 4/4, монотонность ко-торого только отчасти скрывается свойственною Шуману энергіей и жизненностью ритма. Что ка-сается дуэта, то согласно общему характеру если не Шумана вообще, то Шумана Геновефы, мрач-ная и трогательная его сторона (преимущественно первая половина) вышла удачнѣе нѣжной и чув-ствительной, выступающей болѣе во второй поло-винѣ. Шуманъ, въ романахъ своихъ находившій такіе безсмертные звуки для передачи самыхъ тон-кихъ оттѣнковъ любовныхъ волненій, въ оперѣ каж-дый разъ становится хотя и не безусловно, но отно-сительно слабымъ, когда ему приходится изобра-жать чувство, прежде столь вдохновлявшее его му-зыкальную фантазію. Гораздо болѣе этого дуэта мнѣ нравится сцена между Маргаритой, Голо и Драго (№ 10 партитуры), въ которой композиторъ нашелъ и прекрасно выдержалъ непривычный для него раз-говорный тонъ, столь необходимый во второстепен-ныхъ, но по сюжету существенныхъ частяхъ всякой оперы. По обыкновенію здѣсь имѣются и прекрас-ныя гармоническія подробности. Вполнѣ же самимъ собою Шуманъ становится въ остальныхъ нумерахъ

второго дѣйствія, въ хорѣ пирующихъ слугъ, гдѣ ему хотѣлось изобразить халуйскій цинизмъ, и гдѣ во всякомъ случаѣ онъ достигъ рельефности и энер-гій, а затѣмъ въ финалѣ (нападеніе слугъ на Гено-вефу и смерть Драго), гдѣ тѣ же качества соеди-няются съ истиннымъ драматизмомъ, въ отсутствіи котораго такъ часто упрекали нашего композитора.

Слѣдующее дѣйствіе (третье) — капитальнѣйшее въ оперѣ. Драма покидаетъ реальную, а чуть было не сказалъ историческую, сферу *) и переходитъ въ область народнаго суевѣрія. Мы въ Страсбургѣ, на постояломъ дворѣ. Колдунья Маргарита, лѣтчиковъ раненаго (и уже успѣвшаго поправиться) Зигфрида, предлагаетъ ему посмотреть въ волшебномъ зер-калѣ, что у него дѣлается дома. Онъ сначала не обращаетъ вниманія на ея слова, Маргарита ухо-дитъ и графъ собирается въ путь домой, какъ вдругъ является Голо съ докладомъ объ уличенной, будто бы, въ преступленіи Геновефѣ. Пораженный ужасомъ и гнѣвомъ, графъ вспоминаетъ о зеркалѣ и отправляется (вмѣстѣ съ Голо) къ колдунѣ, чтобы провѣрить показаніе своего друга. Перемѣна деко-раціи. Сцена изображаетъ жилище Маргариты. Яв-ляются графъ и Голо; колдунья показываетъ имъ три картины, не оставляющія сомнѣнія въ винѣ Гено-вефы. Послѣ третьей картины Зигфридъ выхватыв-аетъ мечъ, разбиваетъ зеркало и поспѣшно ухо-дитъ со своимъ другомъ; изъ-за зеркала является тѣнь убитаго Драго и приказываетъ Маргаритѣ идти вслѣдъ за графомъ и раскрыть ему истину.

Дѣйствіе открывается дуэтомъ между Маргари-той и Зигфридомъ. Дуэтъ написанъ съ простотою почти Моцартовской, но бодрымъ и веселымъ сво-имъ настроеніемъ и текучею фактурой производитъ

*) Робертъ Рейникъ не былъ „либреттистомъ“ Шумана въ обыкновенномъ смыслѣ слова, такъ какъ композиторъ,

повидимому, въ значительной мѣрѣ самъ редактировалъ либретто. См. упомянутый уже сборникъ Эрлера, т. II, стр. 31—32.

*) Въ стихахъ упоминаются и Абдурахманъ и Карлъ Мартель; но конечно Геббель былъ далекъ отъ мысли на-писать историческую драму въ какомъ бы то ни было смыслѣ слова. Еще дальше былъ Шуманъ отъ стремленія къ исторической оперѣ, которую онъ всѣми силами своей души ненавидѣлъ въ лицѣ Мейербера. Тѣмъ не менѣе иллюзія костюма, а можетъ быть и свойственная шуманов-ской музыкѣ суровость, производятъ то, что зрителю ка-жется, будто онъ видитъ исторически-бытовую картину, пока третье дѣйствіе не раскрываетъ передъ нимъ леген-дарную фантастичность сюжета.